

РАЗДЕЛ II. МИР СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ

І ИДЕИ И КОНФЛИКТЫ І

ГЛАВА 10. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: КАТЕГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Н.А.Косолапов

Приливы и отливы политической конъюнктуры ставят перед обществоведческими науками, всеми думающими людьми трудный вопрос: должно ли оказаться сегодня безоговорочно выброшенным и позабытым все то, что десятилетиями накапливалось в отечественной общественной науке (естественно, на базе теории и методологии марксизма)?

Вопрос во многом риторический, ибо однажды мы уже пережили подобное и сейчас отлично знаем и результат, и его цену. Выбрасывали в свое время, искренне полагая, что избавляются от скопища иллюзий, ошибок, предрассудков и зловредных умопостроений, привнесенных в этот мир когда-то ранее исключительно для того, чтобы помешать прогрессу отечества и процветанию его народа. И тогда, как и ныне, знакомство даже политизированной части общества с современной мировой общественно-теоретической мыслью не носило у нас в стране повального характера.

Но даже если не прибегать к риторике и крайним примерам, наверное, сегодня уже можно принять за аксиому, что в историческом развитии мысли вообще, социально-политической в частности, существенен — и из этого развития не может быть выброшен искусственно — каждый его этап или даже шаг. Не только с точки зрения совокупного результата такого развития, той суммы знаний, пониманий, опыта, которой мы обладаем в каждый определенный момент, — здесь как раз возможны и необходимы периодические перемены, диктуемые качественным приращением знания. Однако каждый шаг в этом процессе важен еще и тем, что он так или иначе влияет на развитие самого мышления как инструмента и способа познания.

При всех необходимых и справедливых поправках на догматизм, схоластику, идеологическую цензуру и пропагандистскую направленность, многократное переливание из пустого в порожнее и откровенную, но изобильную халтуру, в отечественных общественных науках недавнего прошлого накопилось немало полезных и даже уникальных разработок. В том числе и таких, которые ценой невероятных усилий

рений были выполнены и введены в научный оборот вопреки официальным установкам времени. И подход к этому наследию, на наш взгляд, должен быть строгим, критическим, подлинно свободомыслящим — но никак не конъюнктурно-нигилистическим.

Одно из направлений, где заложены хорошие основы для дальнейшей научной разработки, особенно для междисциплинарных исследований, — это изучение общественного сознания, его структуры и форм. Именно в наше время под влиянием резко изменившейся социальной практики в стране и в мире проблема общественного сознания, ее актуальность предстают в новом свете. Ибо усложняющаяся практика, накопление знаний, умений и изощренности, рост материальных возможностей человека чем дальше, тем внушительнее повышают значение и роль субъективного начала, заставляют во многом переосмысливать традиционные (далеко не только марксистские) взгляды на детерминацию социальных процессов, на проблему исторических и политических альтернатив.

Рациональная и наиболее ценная часть отечественной школы изучения общественного сознания — это установление системы прямых и обратных связей между ними и социальной практикой, а также разработка вопросов структурирования общественного сознания и взаимодействия различных его видов и форм. Не считая все сделанное в этой области истиной в конечной инстанции, надо в то же время признать, что без решения вопросов структуры общественного сознания нельзя всерьез говорить о моделировании крупномасштабных социальных и общественно-исторических процессов, о социальном прогнозировании — а значит, и о действительно научном познании социального мира.

I

Цель данной статьи — обосновать правомерность и целесообразность введения в научный оборот категории «внешнеполитическое сознание» как аналитического понятия, отражающего бесспорный факт существования не только особой сферы деятельности человека и социальных институтов, но и специфического сознания, не просто порождаемого этой деятельностью и, в свою очередь, влияющего на нее, но и образующего некую самостоятельную целостность. Вопрос о введении такой категории является, несомненно, дискуссионным и будет оставаться таковым еще какое-то время. В пределах статьи нет возможности, конечно, выйти за рамки, по существу, лишь постановки проблемы. При этом будет рассматриваться по преимуществу лишь социологический аспект общественного и внешнеполитического сознания.

Один из многих парадоксов советского обществоведения заключался в том, что при наличии огромного числа догм, «священных коров» и постулатов, не подлежавших обсуждению, оно проявляло естественную тягу к упорядочению этого сложного и способного доставлять при смене политической конъюнктуры немалые беспокой-

ства хозяйства. Упорядочение же никогда не могло оказаться доведенным до его логического завершения — выработки некоего комплекса достаточно жестких категорий и их строгого соотнесения друг с другом. Ибо как только такой комплекс удалось бы создать, он уже сам задавал бы свои условия абсолютной идеологической и политической власти — чего, конечно же, такая власть потерпеть не могла бы, да и не терпела. Именно этот разрыв между навязываемой науке тенденцией к тотальной догматизации всего и вся и невозможностью довести эту тенденцию до ее внутренней исчерпанности, необходимостью делать постоянные поправки на политическую конъюнктуру не только оставлял потенциальные возможности для известного развития общественно-научной мысли, но и двигал такое развитие, требовал его.

Все сказанное в полной мере приложимо, на наш взгляд, к исследованиям общественного сознания. Нет нужды доказывать очевидное: наличие в этой сфере немалого груза схоластики, от которой, впрочем, никогда не бывает и, наверное, не может быть свободна ни одна наука. Но есть и *рациональный, положительный задел*, который можно просуммировать следующим образом.

Во-первых, сформировано в целом понятие общественного сознания как духовной стороны исторического процесса, которая представляет собой не просто «совокупность индивидуальных сознаний членов общества, а целостное духовное явление, обладающее определенной внутренней структурой»¹ (здесь и далее курсив мой — Н.К.), притом целостность объективно существующую и функционирующую независимо от того, насколько мы ее знаем и понимаем, и даже от того, подозреваем ли об ее существовании (что чрезвычайно важно в теоретическом и методологическом отношениях для ретроспективного постижения и моделирования социально-исторических процессов).

Во-вторых, от ранних — первоначально противостоявших клерикализму и его догматам — споров о соотношении бытия и сознания, объективного и субъективного изучение общественного сознания, да и обществоведение в целом, пришли, на наш взгляд, к *пониманию исторического процесса непрерывного диалектического взаимодействия* первого со вторым — взаимодействия, в котором надо видеть весь комплекс как прямых, так и обратных его связей².

В-третьих, в общественном сознании как целостном духовном явлении *выделены структурно-функциональные его формы*, принципиальные для понимания внутренних закономерностей функционирования самого сознания, его механизмов. Такое деление общественного сознания, вначале носившее двучленный характер (идеология

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 448.

² В качестве примера можно привести вышедшую в 1974 г. работу Г.С.Арефьевой «Социальная активность (Проблема субъекта и объекта в социальной практике и в познании)».

как «высший» и общественная психология как «низший» уровни сознания), постепенно продвигалось к признанию и принятию *трехчленного* деления, основанного уже на функциях каждой формы в структуре сознания: *мировоззрение* как совокупность научных знаний и способов их получения (функция познания); *общественная психология* (внутренний мир субъекта и функция его жизненного опыта); *идеология* (функция воли, целеполагания, мобилизации на достижение определенных целей и задач, самоорганизации субъекта и организации его социальной практики в целом, на макроуровне). Из трехчленного деления общественного сознания будем в дальнейшем исходить и мы.

В-четвертых, постепенно сложилось признание в общественном сознании двух принципиально различных *качественно-гносеологических его уровней*: сознания теоретического, специализированного, в котором определяющую (но не единственную) роль играет наука, специальные знания; и сознания *обыденного*, массового, складывающегося у социума в целом или какой-то его части под влиянием всего круга жизненных условий.

В-пятых, в рамках общественного сознания в целом выделяются относительно обособленные его элементы (одни авторы называют их формами, другие — *видами общественного сознания* (на наш взгляд, последнее корректнее), основанием для вычленения которых «является факт существования любого духовного образования в неразрывном единстве с определенным видом социальной деятельности и с соответствующим видом общественных отношений»). Таковы, например, сознание экономическое, правовое, политическое (в целом).

И, наконец, в-шестых, по всем перечисленным направлениям в отечественной литературе шла *активная дискуссия, пока объективно не завершенная*. Можно ожидать, что бурные события в стране еще будут давать дополнительную пищу для размышлений, в том числе и в рамках этой дискуссии, побудят пересмотреть некоторые исходные посылы, взгляды на отдельные аспекты проблемы структуры общественного сознания, оттеснив в то же время еще более значимость проблемы в целом. Во всяком случае, дискуссия и ее незавершенность, перспектива ее неминуемого объективно продолжения определяются прежде всего необходимостью познания общественного сознания как реальности, а не соображениями преходящего характера.

Естественно, что предлагая новую аналитическую категорию «внешнеполитического сознания», мы будем исходить прежде всего из уже проделанной в науке работы по анализу общественного сознания в целом, используя результаты и опыт этой работы. Специального рассмотрения, однако, требуют три группы вопросов. Есть ли в данном случае объект и предмет анализа? Чем может быть обоснована научная и практическая потребность в дополнительной категории? И наконец, как мы определяем понятие «внешнеполитическое сознание» и по каким критериям выделяем его из других видов и форм?

II

На наш взгляд, сегодня — и давно уже — есть все основания говорить о *внешней политике как самостоятельном виде социальной деятельности*.

С бесспорностью это относится к узкому пониманию внешней политики как политики собственно государства — то есть официальной дипломатии, оборонной и военной политике мирного времени, разведке. Эти сферы уже давно обособились как самостоятельные, высокопрофессиональные области, со своими весьма развитыми структурами, институтами, системами подготовки кадров, традициями, с достаточно четкими задачами и пределами компетенции — короче, со всеми явными, не нуждающимися в доказательствах признаками самостоятельных сфер деятельности, притом деятельности именно социальной по ее смыслу, содержанию, формам и значению. В последние десятилетия происходит заметное расширение реального содержания внешней политики государства: в эту политику, в разных странах по-разному, но непременно включаются вопросы внешнеэкономических связей, экономической интеграции, гуманитарного сотрудничества, науки и техники и многие другие.

Параллельно происходит расширение масштабов и диапазона внешней политики в широком смысле — не только как политики государства и правительства, но как вообще всего комплекса связей данной страны, общества с внешним миром. По своей экономической, социально-культурной, информационной и иной значимости в подавляющем большинстве стран современного мира такие связи многократно «перевешивают» то, что осуществляется непосредственно по линии внешней политики государства и правительства. Несомненно, тенденция эта будет нарастать и впредь как вследствие увеличения числа стран, «открытых» внешнему миру (будем надеяться!), так и потому, что все большее количество сфер деятельности, бывших ранее исключительно или по преимуществу «внутренними», будут нуждаться во внешних связях, контактах, обменах. И чем шире будут протекать подобные процессы, чем дальше они зайдут, тем скорее и тем более глубокой профессионализации они потребуют даже там, где пока еще такой профессионализации нет или в ней нет явно выраженной необходимости.

Рост здесь не только количественный, но и качественный. Современные государства и общества не только так или иначе общаются, обмениваются, взаимодействуют со все большим числом других государств и обществ. Они еще образуют огромное множество правительственных, неправительственных и иных организаций, объединений, структур на местном, региональном и глобальном уровнях. Таким образом, во внешней политике государства, внешних сношениях общества образуется еще и сфера связей с этими принципиально новыми формированиями. И эта деятельность тоже носит постоянный, интенсивный и все более значимый социальный характер как в случае ее позитивной направленности, так и тогда, когда она — преднамеренно или нет — оказывается дестабилизирующей, деструктивной.

Она тоже обретает все более отчетливые признаки самостоятельности по функциям, целям, задачам, сферам приложения, потребным профессиональным навыкам, системам регуляции и управления.

Из всей этой многообразной деятельности сотен и тысяч самых разных субъектов складывается самостоятельный вид общественных отношений — отношения международные как в межгосударственной, так и во всех иных их компонентах. XX в. наполнил эти отношения особым смыслом и содержанием. Во многом именно в них решались острейшие социально-исторические противоречия столетия: между коллективизмом и индивидуализмом, демократией и всеми формами антидемократизма, развитием и иммобилизмом, интенсивными и экстенсивными направлениями развития. Именно в международных отношениях оформились и были осознаны глобальные проблемы современности — от безопасности до экологии — эти основы будущего глобального социума и общепланетарного сознания. Именно в международных отношениях в наше время — ключ к выживанию не только человечества, но и отдельных стран и народов (пожалуй, что всех без исключения).

Стало уже банальностью подчеркивать нарастающую интернационализацию всех важнейших направлений современной жизни: экономики, науки и техники, коммуникаций, культуры, искусства. В последние десятилетия складывается принципиально новая ситуация: все большее число проблем — не только практических, но и научных — может решаться только через международное сотрудничество — и никак иначе. Несомненно, что в длительной перспективе количество и значимость таких проблем будут возрастать. Обратная сторона этого процесса: ни одно современное государство не может позволить себе «выпасть» из системы международных отношений, международного сотрудничества, не рискуя при этом неизбежностью глубокого осложнения своей внутренней жизни, откатом в развитии. Напротив: чем более высоко развито государство по всем традиционным параметрам определения уровня «развитости», тем больше зависит оно от связей с другими, от включенности в международные отношения.

Резко возросшая зависимость между внутренней жизнью общества и государства, с одной стороны, и сферой международной — с другой, носит отчетливо выраженный диалектический характер. Диалектика эта проявляется неоднозначно. Интернационализация многократно умножает созидательный потенциал отдельных стран и человечества в целом, открывает новые возможности роста, развития, прогресса. Но в реальных условиях современного мира она имеет и негативные, и прямо опасные аспекты, ставит много новых проблем: ведь интернационализируются и конфликты, и внутренние тупики и трудности развития отдельных стран, и многочисленные проявления социально-исторической дикости, ранее «запертые» в географических, политических, культурных анклавах.

Диалектика зависимости между «внутренним» и «международным» проявляется и в другом. Не только «международное» все

сильнее и многообразнее переливается во «внутреннее», влияет на него и даже определяет его, идет ли речь об отдельных сферах деятельности или же о жизни общества, государства в целом. Распад Югославии и СССР показал, что возможен и обратный процесс: когда то, что на протяжении исторически достаточно длительного времени считалось сугубо «внутренним» — да и было таковым на деле, — вдруг почти мгновенно превращается в «международное». Нашему сознанию еще трудно примириться, что не только отношения между, например, Россией и Украиной вдруг стали международными, межгосударственными. Но и частные отношения людей тут — поездки к родственникам, на работу, пересылка писем, переводов и т.д. — тоже должны рассматриваться уже по нормам, правилам, критериям международных, а не прежних внутренних отношений. Между тем от подобных дезинтеграционных процессов не застрахованы в принципе и некоторые другие регионы.

Очевидно, это дает основания задуматься над определенной цикличностью международных отношений, диктуемой их собственной диалектикой, противоречивостью: если в историческом смысле международные отношения есть процесс «собираания человечества», становления всеобщей истории, интеграции меньших социумов в более крупные, формирования *глобальной иерархии территориально-этнических комплексов* (от района через государство и регион до планеты в целом), — то в практическом смысле процесс этот не может идти иначе, как циклически, через забегания и возвраты, чередования интеграции и распадов, взаимных притягиваний и отталкиваний.

Важнейшее, что отличает эволюцию международных отношений в XX в., особенно в послевоенной его части, заключается, на наш взгляд, в *постепенном превращении международных отношений в целом в специфическую, высокоразвитую, самостоятельную область человеческой деятельности*, в структурно выделенную «систему социальной практики» (термин В.П.Фофанова)¹. Диалектика этих отношений демонстрирует здесь формирование мощных обратных связей: если из внешних связей социальных субъектов (государств и других) создавались современные международные отношения (от вида деятельности — к виду отношений), то теперь сами эти отношения начинают — пока еще, однако, только начинают — трансформироваться в новый вид деятельности.

Чем были международные, прежде всего межгосударственные, отношения на протяжении многих веков с момента их становления? Для ответа важно знать сущность данного отношения и характер участвующих в нем субъектов.

Исторически двумя наиболее распространенными и значимыми формами отношений между странами и народами были войны и торговля. В том и другом случае в международной сфере осуществлялось

¹ *Фофанов В.П. Экономические отношения и экономическое сознание. Новосибирск, 1979. С. 75.*

перераспределение между социальными общностями территорий, ресурсов, производимого продукта. Международные отношения в минувшие эпохи не выступали и не могли выступать как сфера, непосредственно обеспечивающая производство материального продукта и приращений духа и культуры: для этого не были еще достаточно развиты производительные силы, разделение труда, инфраструктуры, коммуникации. Ныне же не только беспрецедентно выросла международная торговля; но и ее уже перекрыли масштабы международной специализации, кооперации как производства, так и услуг, и НИОКР, движение капиталов, создание совместных и смешанных предприятий, транснациональных и многонациональных фирм и т.п.

Изменился и характер субъектов международных отношений. В прошлом они опирались на сравнительно узкую социальную базу. «Постоянными участниками» международного общения оказывались преимущественно одни и те же социальные группы: главы государств, привилегированные слои, высшие клерикалы, профессиональные военные, некоторые купцы. Такое положение было не только следствием того, что соответствующие социальные группы охраняли области своих интересов от вторжения представителей других сословий. В первую очередь, сами жизненные условия выталкивали массы людей в сферу «международного» практически только в случае (и в результате, и в социальном контексте) войн. Сегодня же субъектами международного общения являются и социально-территориальные комплексы (государства, союзы, интеграционные образования), и созданные ими организации и институты, и самые различные социальные субъекты — от предприятий до общественных движений, и десятки миллионов людей. Все это на рутинной, повседневной основе и при коммуникациях, когда для кругосветного путешествия достаточно полутора суток, а новости распространяются по миру за несколько минут. Работа миллионов людей — связистов, транспортников, системотехников, международных чиновников и многих других — сегодня состоит в том, чтобы обеспечивать круглосуточное поддержание нормального международного общения и взаимодействия. Сотни миллионов других людей прямо и косвенно зависят от того, чтобы международные отношения (во всех смыслах этого понятия) оставались нормальными и развивались.

Естественно, все перечисленное отражается и в общественном сознании XX в.: и в его содержании, и в его структуре. Внешнеполитической и международной деятельности, международным отношениям соответствует своя *духовная целостность*. Конечно, одной своей частью она уходит в общественное сознание в целом, в представления современников об общественно-историческом развитии, мире «вообще». Но так и любая другая форма или вид общественного сознания входят в систему общественного сознания в целом. В то же время отражение дел международных в общественном сознании в наше время уже достаточно специализировано и выступает именно как целостность, основанная, как и всякая целостность вообще — в отличие от однородности — на внутренней противоречивости, диалектичности.

Специализированность внешне- и международно-политического сознания выражается прежде всего в наличии определенных норм и правил международного общения, в правовой и политической кодификации международных отношений, внешнеполитического процесса государств. Она выражается в наличии большого числа научно-исследовательских, информационных и других центров, научных школ и направлений, теорий и концепций, политических доктрин, систем воспитания и профессиональной подготовки кадров. Она выражается и в том, что общественное мнение как отдельных стран, так и мира в целом имеет свои представления по вопросам внешней политики и международных отношений — представления, не смешивающиеся со взглядами на какие-то иные проблемы (например, внутренние, экономические, спортивные и т.д.). Речь не о том, каковы эти представления и оценки, как они складываются, что включают: достаточно уже просто того, что они есть.

Эта сложная духовная «надстройка» над международными отношениями и внешней политикой являет собой и определенную целостность, как минимум, в трех смыслах. Во-первых, в ее первооснове — одни и те же явления и отношения реального мира, какое бы истолкование они ни получали в дальнейшем. Во-вторых, в отражении этих явлений и отношений многое строится на прямых связях, когда целые «кусты» политических программ и доктрин, научных школ, позиций общественности объединены близостью или родством интересов, идеологий, культур. И в-третьих, даже там, где налицо противопоставление и отрицание чего-то, ни первое, ни второе невозможно без отталкивания от «противоположной» стороны — в интересах ли, воззрениях либо в чем-то ином. Здесь отражение строится на обратных, противоречивых, даже иногда антагонистических — но все же связях.

Таким образом, налицо не только объект и предмет отражения, вид социальной деятельности и вид социальных отношений. Налицо и объективное явление внешнеполитического сознания. На наш взгляд, вопрос не в том, есть это явление или его нет, но в том, готовы ли мы признать его существование и как можем выделить его из общественного сознания в целом. Вопрос здесь в определении и критериях вычленения, соотнесения с общественным сознанием в целом, с другими его формами и видами.

III

Вопрос о критериях вычленения относительно независимой формы или самостоятельного вида общественного сознания еще весьма далек от убедительной его разработки. Отчасти это связано с недостаточной разработанностью самих понятий «форма» и «вид» общественного сознания. Отчасти — с тем, что на нашей памяти произошло в последние годы становление только одной новой сферы общественного сознания — сознания экономического. Все остальные достались нам как очевидность, как априорная данность, как наследство, не требовавшее для его принятия никаких четко выверенных крите-

риев. Так были восприняты философия, религия, правовое и историческое сознание. Отчасти же — с тем, что по понятным причинам наше обществоведение в этих вопросах слишком долго сосредоточивало все внимание на предмете отображения, социальной функции отображения и виде общественных отношений, с которым связана данная форма сознания, — игнорируя критерии иного, более практического и строго определенного ряда.

Так, обилие потенциальных предметов отображения и социальных функций такого отображения (обнаруживающие к тому же явную тенденцию к увеличению того и другого) открывает в принципе возможность ничем не ограниченного, произвольного «провозглашения» новых форм и видов сознания. С одним и тем же видом общественных отношений могут быть связаны несколько форм (видов) сознания. Например, с отношениями международными связаны и экономическое, и правовое, и политическое, и историческое сознание, и идеологии, и религия. И, напротив, любой вид общественного сознания всегда обнаруживает связи не только со «своими» общественными отношениями, но и со смежными им.

Поэтому, на наш взгляд, после того как в принципе констатирована, обоснована достаточно высокая вероятность оформления какой-то новой разновидности сознания, для ее практического вычленения необходимо наличие условий, отвечающих, как минимум, пяти следующим критериям.

Первый — отчетливо выраженная *диалектичность социальной базы искомого вида сознания*. То есть, с одной стороны, данная форма (вид) сознания должна безусловно носить достаточно массовый характер, отражать интересы, представления, побуждения не сравнительно узкой группы или категории, но социально значимого числа людей. Только в этом случае будут основания отнести такое сознание к разряду действительно «общественного». С другой же стороны, коль скоро речь идет не о сознании вообще, но о какой-то его части, элементе, подсистеме, то специфика последней должна так или иначе проявляться и через характеристики субъектов-носителей сознания: их относительную численность, социальную природу, что-то еще.

Будучи в принципе способным распространиться на все общество, отдельный вид сознания фактически никогда этого не достигает и не может достигнуть по, как минимум, двум причинам. Потому, что проблемы и явления, отношения, составляющие содержание данного вида сознания, будучи общественно значимыми, тем не менее не являются и не могут быть равнозначимыми всегда и для всех членов общества. А также потому, что каждая форма (вид) общественного сознания включает, как было отмечено выше, два уровня — массовый и специализированный, которые не могут абсолютно совпасть друг с другом так, чтобы грань между ними (по содержанию и субъектам-носителям сознания) стала практически неразличима. Напротив: чем более развит данный вид сознания в целом, тем отчетливее видна грань между его теоретическим и обыденным уровнями.

Думается, изложенное в предыдущем разделе достаточно иллюстрирует тот факт, что применительно к сознанию внешнеполитическому диалектичность его социальной основы выражена предельно отчетливо по всем названным здесь параметрам и направлениям. Те или иные представления, идеи о международных отношениях, внешней политике хотя бы только «своего» государства есть практически у каждого человека. И вместе с тем это высокоспециализированная область с точки зрения и практики, и теории (в первом случае — специализированные органы государства и международные; во втором — большое количество школ, направлений, центров, информационных банков и т.п.). Притом как практические, так и научные организации этого профиля, как правило, не выходят или почти не выходят в иные сферы деятельности и общественных отношений, либо делают это только в связи со своей основной функцией. Что же касается обыденной части сознания, то здесь может быть выстроена сложная иерархия общественного мнения в зависимости от характера стоящих за ним интересов, силы мотивации и ряда других факторов¹.

Второй критерий — достаточно глубокие, не «вчера» появившиеся исторические корни конкретного, в нашем случае — внешнеполитического сознания. Это один из принципиальных конституирующих признаков. Сфера сознания более чем подвержена внезапным духовным поветриям, интеллектуальным и политическим модам, резким переменам в массовых настроениях и устремлениях, озарениям подлинным и мнимым. Все это не обходит стороной и внешнюю политику государств, международные отношения. Естественно, все это должно учитываться и изучаться, но именно в интересах такого изучения ставится в корректные социально- и духовно-исторические координаты.

В отличие от таких подвижек и новая форма (вид) общественного сознания, и ее содержание не могут возникнуть «вдруг», «из ничего». Одних только социальной деятельности и общественных отношений для этого недостаточно, они — первооснова и предпосылка, не более. Отпочкование от смежных направлений общественной практики и мысли, являющееся прямым, но не немедленным результатом нарастающего разделения труда, обретения своего лица, социального признания — процесс, требующий для своего развития, помимо прочего, еще и времени. Иногда это время измеряется десятилетиями, в других случаях — веками, но оно всегда достаточно продолжительно, соизмеримо с продолжительностью жизни человека. Научно-техническая революция, другие известные черты современности ускоряют этот процесс, делают его более интенсивным. Но и по меркам начала XXI в. он также остается продолжительным.

Гносеологически внешнеполитическое сознание развивается на протяжении уже очень длительного времени. Начальным моментом

¹ См.: Косолапов Н.А. Социальная психология и международные отношения. М., 1983. Гл. III.

его становления можно считать образование самых первых в истории государств и, как следствие этого, формирование отношений между ними. Вся последующая история — это еще и развитие, в доступных каждой эпохе формах и пределах, понятиях и представлениях, внешнеполитических воззрений людей, расширение их социальной основы. Конечно, чем дальше в историю мы будем углубляться, тем труднее будет отделить собственно внешнеполитические представления от иных — философских, религиозных, общеполитических, культурных. Этот факт подтверждает глубокие исторические корни внешнеполитического сознания не только по его объекту и предмету, но и по содержанию. По-видимому, к настоящему времени нет другой такой формы, вида, сферы общественного сознания, у которых сознание внешнеполитическое не позаимствовало бы что-то на определенном этапе своей эволюции и на которые оно, в свою очередь, не оказывало бы так или иначе обратного воздействия. Весьма тесны и связи внешнеполитического сознания с наукой XX в., причем не только с общественными дисциплинами.

Критерий *третий* — наличие у данного вида общественного сознания *собственного, только ему присущего содержания* (как следствие собственных объекта и предмета отражения) и *соответствующего специализированного носителя* (или совокупности таких носителей), в функции которого входит «хранение», преемственность, развитие сознания, распространение его содержания и влияния. В современных условиях и применительно к специализированным формам общественного сознания таким носителем чаще всего объективно выступают наука и соответствующая часть структур государства и общества¹. Выше уже показано, что применительно к сознанию внешнеполитическому все эти признаки не только присутствуют, но и в высшей степени развиты. Подчеркнем только, что хотя теория и практика международных отношений, внешней политики вбирают в себя многое из аппарата и результатов ряда наук, такие дисциплины, как, например, теория международных отношений, стратегический анализ (особенно в ядерной его части), геополитика и ряд других, приложимы только к международной сфере — и никакой другой.

Критерий *четвертый* — социальное-историческая и конкретная *общественная значимость* данного вида сознания. Доказывать значимость воззрений по вопросам внешней политики и международных отношений (не отдельных взглядов и концепций, но всего комплекса

¹ См., например, работы по исследованию внешнеполитического механизма современных государств: США: внешнеполитический механизм. Организация, функции, управление. М., 1972; Петровский В.Ф. Американская внешнеполитическая мысль. Критический обзор организации, методов и содержания исследований в США по вопросам международных отношений и внешней политики. М., 1976; Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств. М., 1981; Внешнеполитические исследовательские центры США и Канады. М., 1989.

таких воззрений в целом, и не только для сегодняшнего положения, но еще больше с точки зрения их влияния на то, каким будет будущее мира, отдельных регионов и стран) значило бы ломиться в открытые двери. Заметим только, что в современном мире можно найти немало духовных систем, вполне удовлетворяющих трем первым критериям, но утративших свою общественную значимость либо никогда не имевших ее, либо таких, значение которых сегодня в лучшем случае маргинально. Таково, например, все рудиментное сектанство, носит ли оно религиозный, идеологический или же культурно-этнический характер.

И наконец, *пятый* критерий, позволяющий обосновать и выделить внешнеполитическое сознание как самостоятельный вид сознания общественного — это *прогностическая ценность* вычленения данного вида сознания. До недавнего времени задача прогнозирования развития общественного сознания в чистом ее виде не ставилась. Имплицитно такая постановка вопроса присутствовала во всех теоретических исследованиях этого предмета. Однако прогностическая работа, выполненная во многих других областях (национальная и мировая экономика, наука и техника, социально-политические процессы и др.) при всей ее ценности показала: прогноз «заживет», обретет социальное наполнение, повысит свою точность лишь тогда, когда сумеет вобрать в себя и оценку возможных в будущем движений сознания (в целом либо в какой-то его части). В сфере внешней политики и международных отношений давно уже прогнозируются подвижки в расстановке и структуре вооруженных сил, экономических потенциалов и связей, политических движений и партий и т.п. И такие прогнозы дают свои результаты, имеют определенную практическую и познавательную ценность. Но сделать прогноз на перестройку — со всеми ее глобальными последствиями, включая распад СССР и трансформацию его прежнего политического пространства, — можно было только через прогнозирование идеологических процессов, общественного сознания в целом. Притом такой прогноз был в принципе возможен лет за пятнадцать до начала перестройки, еще на тогдашнем уровне знания и методологии. Разумеется, прогнозирование общественного сознания не подменяет собой всего остального; но и все остальное также не может заменить собой прогнозирования собственно духовных процессов.

Применительно к сфере собственно внешнеполитического сознания подчеркнем только, что коль скоро существуют достаточно развитые: а) специфическая область социальной деятельности, б) соответствующая ей область общественных отношений и в) охватывающий то и другое самостоятельный вид общественного сознания, — то любой макропрогноз, включающий любую из трех перечисленных сфер, а тем более все их вместе, и особенно прогноз средне- и долгосрочный, просто обязан включать также и прогнозирование развития внешнеполитического сознания, ключевых его направлений и компонентов. Для этого же, в свою очередь, необходимо рассматривать такое соз-

вание как самостоятельное целостное образование, а не просто совокупность воззрений, концепций, доктрин, подходов и тому подобного.

С учетом всего изложенного внешнеполитическое сознание можно определить как всю совокупность существующих на конкретный исторический момент представлений людей по вопросам внешней политики государств и международных отношений, международной жизни и мирового развития, взятую в единстве всех форм выражения этих представлений и их исторической эволюции, в диалектической целостности всех существующих (в том числе и противоборствующих) школ и тенденций, в ее взаимосвязи и взаимодействии с реальной общественной практикой и с другими компонентами системы общественного сознания, во всем многообразии ее социальной основы.

В этом определении необходимо подчеркнуть слово «все», поскольку никакие взгляды и представления, касающиеся международной жизни, сколь бы странными, нелепыми, даже чудовищными они ни представлялись исследователю не могут только на этом основании исключаться из содержания внешнеполитического сознания. Другое дело — тщательнейшая оценка роли и значения таких взглядов и в самом сознании, и в практике международных отношений, во внешней политике конкретного государства, правительства, в конкретное историческое время, взаимодействия этих взглядов с другими воззрениями.

IV

Закономерен вопрос: зачем все это нужно? Нельзя ли разобратся в происходящем, не вводя дополнительную категорию и не создавая лишних сложностей там, где и без того проблем хватает?

В принципе, наверное, можно. Но все дело в том, что проблемы носят объективный характер. Их можно, конечно, — и нужно — рассматривать и по отдельности, изучая каждую максимально тщательно и подробно. Но на определенном этапе как познания, так и практики возникает неизбежно потребность в синтезе. И здесь многое зависит от того, насколько субъективно мы подготовлены к наступлению такого момента, к тому, чтобы за многочисленными, даже прекрасно подготовленными фрагментами увидеть картину в целом и суметь сложить ее. Введение категории внешнеполитического сознания само по себе еще не дает всеобъемлющей и целостной картины объекта исследования. Но оно подготавливает к этому, не только воздействуя на психологию исследователя и практика, побуждая их отыскивать за частностями общее, но и тем, что способствует соответствующему восприятию и организации информации, эмпирических данных, отдельных разработок.

Признание внешнеполитического сознания самостоятельным видом общественного сознания вообще решает еще одну теоретическую и методологическую задачу. На практике живое сознание не так-то просто разделить на теоретическое и повседневное. Граница между наукой и не-наукой (не обязательно анти-наукой, это принципиально

иное явление) часто бывает весьма размыта. Наряду с двумя крайностями — безупречная и строгая наука, с одной стороны, очевидные и явные, заскорузлые предрассудки, мифы, суеверия — с другой, — в жизни всегда есть немало представлений, диктуемых практикой, опытом, традициями. Есть немало учений, гипотез, концепций не-научного (в современном смысле слова) происхождения и содержания, но от того не становящихся менее ценными практически. Кроме того, свои мифы, заблуждения, «священные коровы», предубеждения, некритически принимаемые положения, элементы аксиоматики (а по сути — внутринаучной веры) есть в любой науке. Их просто не может не быть. Сфера внешнеполитического мышления особенно богата всем перечисленным, и подобные явления подчас весьма заметно влияют не только на образ мышления лидеров, элит, значительных социальных групп, но и на их политическое поведение, а через него — на международные отношения.

Сейчас, когда люди в нашей стране вынужденно шарахнулись от государственной официальной медицины к медицине народной, стоило бы взглянуть на проблему признанной, институционализированной науки шире. Не происходит ли чего-то подобного и во многих других науках, особенно общественных? Не противопоставлять науку многотысячелетнему опыту человечества, но наладить их сотрудничество и взаимообогащение — для этого нужна одна упряжка для того и для другого. Очевидно, что учитывать все многообразие реально существующих воззрений только по категории общественно-психологических, или же научных, или религиозных, или иных в любом случае было бы натяжкой. Введение же категории внешнеполитического сознания решает эту задачу наиболее адекватным образом, а на будущее может стать и той «упряжкой», которая сделает прозрачными границы между «высокой» наукой и «низкой» повседневностью.

Но есть и еще одна грань проблемы перехода между теоретическим и обыденным сознанием. Далеко не все, чем располагает внешнеполитическая мысль, попадает в практику. Далеко не все, что есть в обыденном сознании, тоже находит свой выход в политику. Некоторые идеи как науки, так и здравого смысла остаются невостребованными десятилетиями, даже будучи при этом прекрасно известными современникам. Каковы механизмы «отбора» идей, концепций в политику вообще, внешнюю в частности? Какие факторы и что здесь определяют? Как поставить более эффективные заслоны проникновению в политику идей заведомо реакционных, антигуманных, просто опасных, непродуманных, незавершенных? И здесь категория внешнеполитического сознания позволяет преодолеть многие существенные теоретические и методологические трудности — естественно, сама по себе не предопределяя при этом научных и практических результатов исследовательской работы, которую еще только предстоит проделать.

И наконец, без выделения внешнеполитического сознания как самостоятельного вида сознания общественного сложнее будет разбираться в теоретических и практических тонкостях проблемы истори-

ческого самосознания субъектов современного мирового развития, международных отношений. От того, как понимают они ход и перспективы развития, свое место в нем и прежде всего самих себя (кто и что они есть), зависит очень многое для человечества, вплоть до его физического выживания. Одна из проблем внешней политики новой суверенной России заключается, на наш взгляд, как раз в том, что она еще только вступила на путь осознания самой себя в резко изменившихся внутренних и международных условиях. И такая проблема стоит не только перед Россией и даже не только перед большинством других республик бывшего СССР, но и перед многими другими странами. По самой своей природе национальное самосознание решающим образом опирается на исторический опыт стран, народов, человечества, как бы проецируя в будущее его уроки. Оно глубоко входит в идеологию и общественную психологию, в политические доктрины, в структуру индивидуальной и социальной мотивации, сильно воздействует на важнейшие проявления общественной деятельности: цели, ориентиры, критерии морали и нравственности, выбор средств и норм политики, борьбы, на многое другое.

Но и на рубеже XX-XXI столетий международная жизнь, мировое развитие особенно сильно влияют на историческое и национальное самосознание каждой страны, каждого народа, каждого субъекта мировой политики. Из сферы международных отношений черпается немалая часть социального опыта. Отсюда приходят все более серьезные проблемы, вопросы, вызовы: предотвращение ядерного конфликта, экологическое выживание человечества и другие. Отсюда впитывается огромное количество самой разнообразной информации, в том числе и такой, которая по содержанию или объективности бывает недоступной в рамках отдельных стран. Здесь реализуются чаяния и устремления государств и народов. Тут уже в самые последние десятилетия сформировались принципиально новые ценности и критерии для оценки эффективности социальных систем, конкурентоспособности политических и экономических структур, идеологий, меры национального успеха и национального унижения. И сегодня уже эти критерии в большей, нежели исторически традиционные, степени влияют на оценку стран и народов, а тем самым и на их самосознание, и на их дальнейшее внутреннее развитие.

Наконец, категория внешнеполитического сознания представляется нам полезной и для изучения политического сознания вообще. Имея более четкий объект и предмет отражения, легче поддаваясь анализу и формализации, чем более широкая, внутренне сложная и неопределенная сфера политического сознания вообще, сознание внешнеполитическое и его изучение как единого целого смогут, на наш взгляд, внести свой конструктивный вклад в понимание закономерностей и функционирования как политического сознания, так и общественного сознания в целом. А это важно не только само по себе, но и для таких перспективных направлений, как моделирование социальных процессов и создание искусственного интеллекта.